Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О* да *Е*.

(«Евгений Онегин», гл 3, XXXVII)[43]

История имени на коре дерева не заканчивается, однако, вместе с историей русской стихотворной идиллии. Ближайшей наследницей этого жанра стала сентиментальная «чувствительная повесть», которая унаследовала от идиллии и характеры персонажей, и язык, и другие черты,[44] в том числе locus amoenus сентиментализма — рощу. Более того, «чувствительная повесть» прямо продолжила идиллию: «Нежная любовная сцена, или ряд сцен, маленький сюжетный узелок — и идиллия превращается в повесть».[45] При этом превращении не потерялась и надпись на дереве, но она претерпела незначительное с виду, но существенное изменение Если в идиллии надпись на дереве по преимуществу только характеризовала психологическое состояние влюбленного героя или героини, то в «чувствительной повести» она уже влияет на сюжет и из минимального по объему текста (одно имя) вырастает до развернутого письменного сообщения, а подразумеваемое эмоциональное содержание надписи раскрывается в повествовании и становится объектом подробного описания и психологического анализа.

Герой повести В. В. Попугаева «Аптекарский остров, или Бедствия любви» (1800) некий Н... был поражен красотой героини повести Маши, но не смог заговорить с ней и скрылся. Позднее он вернулся, «приближается к дереву, у коего она стояла, лобызает его и просит в исступлении, чтоб ему сказало, кто *его возлюбленная?* Но вскоре опамятывается, дивится сам своему забвению и впадает в глубочайшую задумчивость. <...> Встает и, начертав на корке дерева следующие стихи,— *уходит*.

Бейся, бейся, сердце страстно!
С вздохом, томна грудь, теснись.
Утро дней моих ненастно,
Смерть, разить меня стремись
Я лишился век покоя,
Мне *счастливым* не бывать;
Нежным взором мила Клоя
Мне велела воздыхать.

---

[43] В В Набоков указывает любопытный «случай сходства более раннее появление этои же лелеемой монограммы в „Избирательном сродстве" Гете < >, где описывается стакан, на котором видны „ . die Buchstaben E und O in sehr zierlicher Verschlingung eingeschnitten"» (*Набоков В* Комментарий к роману А С Пушкина «Евгений Онегин» СПб , 1998 С 338) Это, конечно, случаиное совпадение, так как Татьяна не вырезает, а именно пишет «На отуманенном стекле», причем пишет не свои инициалы, а вензель из первых букв имени и фамилии того, в кого она влюблена, т е здесь точно повторяется ситуация, описанная Я Галинковским

[44] См *Скипина К* О чувствительной повести // Русская проза Л , 1926 С 31–41, *Hammarberg G* The Idyll as Prototype for Sentimentalist Fiction // Russia and the World of the Eighteenth Century Columbus (Ohio), 1988 P 316–331 См также *Бахтин М М* Вопросы литературы и эстетики М , 1975 С 373–384

[45] *Скипина К* О чувствительной повести С 36